

Альбер СОБУЛЬ ЖОРЕС, МАТЬЕЗ и ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

перевод Г.А.Шумяцкой

Французский ежегодник 1980

М.: Наука. 1982. С.211-219

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

«Когда задумываешься о том,— писал Альбер Матьез в 1925 г.,— что Жоресу понадобилось всего четыре года, четыре года вынужденного отдыха, вызванного временной неблагодарностью избирателей Кармо после дела Дрейфуса, для создания такого величественного памятника, то восхищаешься мощью его труда, как и проницательностью взгляда. Никакая другая история революции не проникла так в суть вещей. Никакая другая не продвинула так далеко науку. Эта история — скорее точка отсчета, нежели завершение. Она стимулировала то интенсивное развитие исследований и идей, которое еще не принесло, к сожалению, всех своих плодов»¹.

«Точка отсчета... завершение» — в какой мере это справедливо и какое место занимает «Социалистическая история французской революции» в потоке историографии революции в конце XIX — начале XX в.?² А точнее, в какой мере труды Альбера Матьеза связаны с произведениями Жореса? В какой мере «Социалистическая история» сохраняет свою активность?

I

Когда в последние годы XIX в. Жорес задумал создать свою «Социалистическую историю французской революции» (первый том ее должен был появиться в 1901 г.), Олар был неоспоримым авторитетом в исследованиях о революции, по крайней мере в глазах представителей университетской науки.

Олар оказал выдающиеся услуги историографии революции, показав, что историки революции должны подчиняться тем же требованиям, что и другие исследователи,— они обязаны вести кропотливые изыскания в архивах, обнаруживать, критически обрабатывать тексты и публиковать их, как это уже давно делали исследователи хартий в отношении истории средних веков. Это была особая заслуга Олара, и это тем более следует упомянуть, что сам Олар был воспитан на историко-литературной традиции, как ее понимали в конце Второй империи, и свои занятия историей революции начал с работ об ее ораторах. Нельзя упускать из виду и того, что время наложило отпечаток на его произведения. Олар принадлежал к поколению, боровшемуся с 1875 по 1880 г. за утверждение республики, парламентской и светской демократии. Вот почему его интересовала в революции политическая история, и главным образом история партии и Национальных собраний. Политическая история, по мнению Олара, зависела от эволюции идей. Именно так она представлена в его работе «Политическая история французской революции» (1901). В этом отношении знаменателен ее подзаголовок «Происхождение и раз-

¹ *Annales historique de la Révolution française*, 1925, p. 75. (Далее: AHRF).— Rec. ad. op.: Jaurès J. *L'Histoire socialiste de la Revolution française*, vol. VII *La Montagne*; vol. VIII «*Le Gouvernement révolutionnaire*».

² Я нахожусь в некотором затруднении, обращаясь вновь к этим вопросам после работ Жака Годшо и Мадлен Реберу, а также Мориса Домманже о Жоресе как историке Французской революции.

витие демократии и республики»; ни экономический, ни социальный факторы в работе не рассматриваются.

Это, без сомнения, связано с особенностями формирования Олар как историка. Все же трудно предположить, что в этом не сыграли роли обстоятельства политической жизни времен его юности и зрелости. Олар находился в рядах республиканской буржуазии. Буржуазия представлялась ему естественным наставником третьего сословия. Народные массы были способны лишь поддерживать буржуазию в борьбе за осуществление полной политической демократии, хотя в случае необходимости могли и подталкивать ее. Олар смотрел на революцию «сверху», как если бы у народных масс не было других интересов, других потребностей, других чаяний, чем у буржуазии. Наконец, поскольку вопросы религии и школы стояли на первом месте в борьбе партий с 1880 по 1905 г., а также и в последующие годы, проблемы религии в революции и истории происхождения светского образования привлекали внимание Олар не меньше, чем собственно политическая история.

Конец XIX в., однако, стал свидетелем ускорения прогресса капиталистической экономики, и ее сфера мало-помалу расширялась, пока не стала господствовать над целыми континентами. Экономические вопросы занимали все возрастающее место и в конечном счете начали преобладать в политике государств и в международных отношениях. Одним из последствий этой эволюции, несомненно, было усиление классовых противоречий, приобретающих широту и остроту. Это обусловило рост рабочего движения и развитие социалистических идей. Подобные факты не могли не повлиять на разработку истории революции. Начали искать идеологические истоки социализма в XVIII в., первые попытки его осуществления стали усматривать в эпохе революции.

21 июня 1895 г. Андре Лиштанберже защитил диссертацию «Социализм в XVIII в.» — труд, классический и поныне, несмотря на то что по многим вопросам он может показаться устаревшим. Олар опубликовал отзыв об этой работе в «La Révolution française» 14 июля 1895 г., Жорес — в «La Pétite République» в конце того же месяца на двух с половиной столбцах. Конечно, на рубеже века некоторые были склонны считать экономическую политику Комитета общественного спасения первым опытом обобществления. Вскоре Огюстен Кошен, целиком находившийся под влиянием социологии Дюркгейма, выдвинул рискованную гипотезу, доказывая, будто клубы, осуществляя «обобществление» мысли, неизбежно должны были прийти к «обобществлению» экономики³. Но оставим эти преувеличения, которые, впрочем, оказались живучими.

В результате историки с этого момента стали обращать внимание на народные массы, тогда как ранее им отводилось место в третьем сословии позади буржуазии. Начали пристально изучать условия жизни народных масс, причины их выступлений с 1789 по 1795 г. Изучение экономических и социальных явлений заставило историков обратиться к реальности. Они убедились, что идеи не распространяются сами по себе, что для большого политического движения нужна определенная организация. Эти вопросы возникали тем более настоятельно, что социализм в том виде, какой ему придал Маркс, покоится на концепции, обладающей способностью живо заинтересовывать умы: мы имеем в виду исторический материализм, или, говоря шире, экономическое объяснение истории. Какого бы суждения ни придерживаться в отношении этого учения, нельзя отрицать, что оно стимулировало историческое исследование и раскрыло перед нами новые горизонты. Невозможно отрицать, что идеи Маркса мало-помалу проникали в среду историков. Даже наиболее осторожные признали необходимость учитывать экономические и социальные факторы, и чисто политический синтез на рубеже столетий был уже невозможен. Чтобы убедиться в этом, достаточно упомянуть

³ Cochin A. Les cosités de pensée et la Révolution en Bretagne. P., 1926.

работы Ф. Саньяка, которого нельзя заподозрить в сочувствии историческому материализму и социализму. Его диссертация «Гражданское законодательство революции» освещает вопросы землевладения в той же мере, что и общественные проблемы.

Но именно Жорес первый усмотрел во Французской революции социальное явление, а следовательно, понял и ее экономическое происхождение. В самые последние годы прошлого века царил атмосфера всеобщего интереса к революции и социализму. Лиштанберже только что защитил свою диссертацию, готовились к празднованию 100-летия со дня рождения Мишле. Жорес напечатал статью под названием «Мишле и социализм»⁴. Мишле вовсе не социалист, говорилось в ней, он «не вполне справедлив к Бабефу», но у него горячая любовь к нации сочеталась с бесконечной любовью к человечеству. Его философия истории «одновременно и чрезвычайно мистическая и чрезвычайно реалистическая». И Жорес задает себе вопрос: как примирить этот мистический идеал и исторический материализм? «Совершенно бесполезно искать это у Мишле. Но никогда не делалось попытки плодотворнее». В 1901 г. введение к «Социалистической истории» дало ответ на этот вопрос.

Издав в 1901—1903 гг. четыре тома своей «Социалистической истории Французской революции», Жорес поставил и разрешил эту новую проблему. Впервые в историографии он изложил историю революции в непосредственной связи с экономическими и социальными процессами. Это не значит, что Жорес отрицал значение философского движения. Тем не менее — и Жорес особенно подчеркивает это — революция явилась именно завершением долгой экономической и социальной эволюции, которая и привела буржуазию к власти и к экономическому господству.

Итак, Жорес продолжает историографическую традицию, начатую Барнавом. Известно, какое значение придавал Жорес «Введению во Французскую революцию», написанному Барнавом в 1791—1792 гг. и изданному в 1843 г. благодаря стараниям его соотечественника Беранже из Дромы. В первом томе своей «Социалистической истории», рисуя замечательную картину экономической и общественной жизни Франции в конце старого порядка, Жорес писал, что Барнав первым «наиболее четко сформулировал социальные причины и, можно сказать, экономическую теорию революции».

Историки Реставрации вовсе не читали Барнава, и, по-видимому, их труды не вдохновляли Жореса. Но эти историки, оказавшиеся в гуще борьбы либералов против дворянской реакции, сильные сознанием своей принадлежности к буржуазии, подчеркивали классовый характер революции. Это относится даже к Тьеру и его «Истории Французской революции», а тем более к Минье и его статьям в «*Courrier français*» в 1822—1823 г. и его «Истории Французской революции» (1824), в которой борьба классов выступает как один из важных факторов. Это была, по выражению Шатобриана, «фаталистическая школа»: революция была нужна с точки зрения исторической необходимости. Что же касается Гизо, то он в четвертой части своих «Очерков по истории Франции» подчеркивает, что политические учреждения определяются «общественным строем», отношениями между различными классами и «личным положением», которое в конечном счете зависит от «состояния поземельных отношений» и структуры собственности. Перечитаем также курс по «Истории цивилизации во Франции», прочитанный Гизо в Сорбонне в 1823—1830 гг., и особенно 46-ю лекцию...

Известно место из письма Маркса к Вейдемейру от 5 марта 1852 г.: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов...»⁵. Маркс имеет в виду

⁴ *Jaurès J. Michelet et le socialisme.* — La petite République, 1898, 16 juill.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 424—427.*

Гизо, а также Огюстена Тьерри, которого он в письме Энгельсу от 27 июля 1854 г. называет «этот отец «борьбы классов» во французской историографии»⁶.

«Социалистическая история» появилась как «завершение» этой историографической традиции, которую мне хотелось бы назвать классической социальной интерпретацией Французской революции — этой «великой драмы, главными действующими лицами которой являются классы».

II

Это было завершение и вместе с тем точка отсчета. «Я не сомневаюсь, — писал Альбер Матъез в 1904 г. в «Revue critique», — что эта книга положит начало исследованиям столь же плодотворным, сколь и разнообразным».

Мы не будем здесь снова говорить о новизне этого произведения, о новых путях, открытых им для изучения истории революции, о широте охвата в пространстве и во времени, о глубине в области экономического и социального анализа; все это превосходно показала Мадлен Реберю. Но все же отметим вслед за Альбером Матъезом два момента.

Широта охвата в пространстве: «Но больше всего нового в величественной картине политической и духовной жизни Европы, заполняющей пятый том! Если проследить, как Жорес разбирает великих мыслителей эпохи — Канта, Фихте, Годвина и др... как он показывает влияние, оказанное событиями на их творчество, и воздействие их произведений на события, то восхищению не будет предела. Подобные страницы надолго сохраняются в памяти людей»⁷.

Широта охвата во времени: Жорес искал во Французской революции ростки социализма, которым суждено было бурно взойти на заре XX в. «Даже после появления книги Андре Лиштанберже никто еще не собрал так много сведений о неизвестных социальных реформаторах, таких, как Ланж, Доливье, Моморо, уже начавших атаку на собственность»⁸.

Что касается Жоржа Лефевра, то на него особое влияние оказало (он об этом писал в 1932 г.) углубление экономического и социального анализа. Именно этот огромный сдвиг знаменует в его глазах новейшие достижения в историографии революции. Жорж Лефевр ставит в заслугу Жоресу создание комиссии «по разысканию и публикации архивных документов по экономической истории Французской революции»⁹. Известна ее неутомимая и в высшей степени плодотворная деятельность — публикация важной коллекции наказов, сведений о распределении земельной собственности к концу старого порядка и о продаже национальных имуществ, об общинных землях и общинных правах. Последнему вопросу Жорес уделил особое внимание в своей «Социалистической истории».

Обновляя, таким образом, перспективы изучения истории революции, Жорес оказал решительное влияние на историков, по крайней мере на тех, кто был намерен развивать его классическую социальную трактовку ее истории.

Жорж Лефевр не признавал своим учителем никого, кроме Жореса¹⁰.

⁶ Там же, с. 321.

⁷ *Annales révolutionnaires*, 1923, p. 417.— Rec. ad. op.: Jaurès J. *Histoire socialiste*, vol. III *La Législation*; vol. IV. *La République*; vol. V. *La Révolution et l'Europe*.

⁸ *Ibid.*

⁹ См. проект закона, внесенный Жоресом в палату депутатов 27 ноября 1903 г.: «Основа истории состоит не во внешнем, сразу бросающемся в глаза развитии политических учреждений. Игра экономических интересов, социальных сил — вот что, несомненно, определяет прогресс истории. Тем не менее по истории Французской революции, т. е. по сути дела по истории самих истоков современного мира, множатся публикации документов политического характера... и в то же время нет ни одного сборника документов, затрагивающих экономическую и социальную историю революции».

¹⁰ Мы не останавливаемся здесь на влиянии «Социалистической истории французской революции» на Ж. Лефевра и ограничиваемся тем, что отсылаем к работам Ж.-Р. Сюратто. «Именно Жоресу я обязан больше всего... Если меня спросят, кто был моим учителем, я не могу признать никого, кроме него» (*Pro domo.*— AHRF, 1947, p. 188. См. также: *Французский ежегодник*, 1979. М., 1981).

Теперь обратимся к Альберу Матъезу: «Я, кому выпала честь поставить свое имя при переиздании его [Жореса] творения, я с благоговением заявляю, что в нем я черпал не только вдохновение, без чего мои исследования были бы невозможны, но и множество мыслей, послуживших мне путеводной нитью. Без сомнения, ныне мне приходится делать по многим важным вопросам иные выводы, но это потому, что он писал до меня, и я смог предпринять такие исследования, которые без него были бы невозможны. Лучшие качества его духа живут во мне, даже когда я возражаю ему»¹¹.

Еще определеннее писал Матъез в 1922 г. по поводу первого тома «Социалистической истории — «Учредительное собрание». Известно знаменитое место: «Вовлеченный в лихорадочный водоворот собраний и партий, Жорес глубже, чем любой профессор, кабинетный ученый, мог проникнуть в явные или тайные чувства, мысли революционеров; он был с ними, он их понимал с полуслова»¹². Серьезность метода, богатство документации, поразительная беспристрастность, отмеченная уже Оларом, прекрасное построение повествования — таковы черты, которые подчеркнул Матъез. «Впервые была сделана столь огромная, столь дерзновенная и столь удачно в целом осуществленная попытка присоединить к картине политических событий картину экономической жизни, обуславливающей и объясняющей их». И еще одно важное замечание: «Ныне рассматривать революцию как победу буржуазии вполне общепринято. В то время было труднее отказаться от общих мест, — а ими обычно довольствовались историки-марксисты, — и провести точное, обстоятельное и глубокое исследование экономического могущества класса буржуазии до 1789 г. Жорес посвятил этому изумительные страницы». И в заключении: «Дух великого мыслителя еще долго будет воодушевлять сердца граждан».

Нет никакого основания сомневаться в том, что Альбер Матъез восхищался Жоресом, и во влиянии, оказанном на него «Социалистической историей». Действительно, следуя своему учителю Олару, о котором он долго отзывался с похвалой, Матъез сначала увлекся политической, а в еще большей мере религиозной историей революции. В 1898—1899 гг. в «Revue historique» появился его «Критический очерк о днях 5 и 6 октября 1789 г.», затем, в 1904 г., его диссертация «Теофилянтропия и декадный культ». Отходить от своего учителя он начал как раз по вопросу, связанному с политической историей: личность и роль Дантона. Но первоначальное влияние осталось неизгладимым. Политическая, точнее — парламентская, история до конца его дней оставалась среди главных интересов Матъеза. Безусловно, в какой-то момент он находился под влиянием Дюркгейма, труд которого казался тогда оригинальным, как это видно из дополнительной диссертации Матъеза «Происхождение революционных культов» (1904). Но когда он принялся за изучение экономической и социальной истории революции, он приступил к ней не с точки зрения народа, не *снизу*, а *сверху*, с точки зрения политических партий и потребностей ведения войны, т. е. нужд революционного правительства.

Не следует, однако, недооценивать влияние Жореса на Альбера Матъеза; напротив, надо было бы точнее определить его. Прежде всего небольшое замечание. Жорес, несомненно, относится к Дантону не враждебно, но он отдает явное предпочтение Робеспьеру. По его словам, он сам занял бы место рядом с ним на скамье якобинцев. На Матъеза, как и на многочисленную университетскую молодежь его поколения, Жорес должен был воздействовать главным образом своим социализмом, примирявшим республиканскую традицию, «демократическую и социальную», с марксистской интерпретацией истории, и интеллектуальным блеском, который он придал этому учению.

¹¹ AHRF, 1925, p. 75.

¹² Annales révolutionnaires, 1929, p. 255.— Rec. ad. op.: Jaurès J. Histoire socialiste..., vol. I. La Constituante.

Разразилась первая мировая война. Продолжая свои прежние исследования, в особенности о Дантоне, Матъез приступил к новой для него области экономической и социальной истории революции. Здесь снова чувствуется бесспорное влияние Жореса, распространившего экономическое объяснение истории и на революцию. Матъез теперь начинает рассматривать Французскую революцию как борьбу классов, борьбу третьего сословия против привилегированных, начинает интересоваться социальным и политическим расстройством третьего сословия. Чем больше он углубляет свои робеспьеристские исследования, тем упорнее настаивает на том, что между жирондистами и монтаньярами постепенно обозначились социальные противоречия. Война окончательно приковала внимание Матъеза к экономическому фактору, ибо выявились те же самые экономические и социальные трудности, с которыми столкнулся Комитет общественного спасения при ведении большой национальной войны, и правительству пришлось прибегнуть к тем же средствам контроля и принуждения — таксации, реквизиции, инфляции, займам (в большей или в меньшей мере принудительным), вмешательству государства в экономическую жизнь. Так возникли «Победа во II году» (1917) и этюды, (опубликованные с 1915 г. в «*Annales révolutionnaires*»), позже объединенные в книге «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора» (1927).

Итак, Альбер Матъез вслед за Жоресом больше, чем кто-либо поставил в повестку дня изучение экономических и социальных проблем революции, по крайней мере некоторых. За время, прошедшее после появления «Социалистической истории», эти вопросы совершенно не привлекали внимания образованной публики, даже студентов. Публикации комиссии, созданной Жоресом, представляли труды ученых и были доступны только специалистам.

Но, каковы бы ни были похвалы, расточаемые Матъезом в адрес Жореса, нельзя скрывать разногласия между ними. «Глубокое восхищение, внушаемое мне ярким талантом Жореса и редкой пронизательностью его исторической мысли, — писал Матъез в 1923 г., — не мешало мне иногда замечать места, содержавшие положения и суждения, к которым я не мог присоединиться»¹³.

Матъез, не чуждый понимания ремесла историка как деятельности прокурора, упрекал Жореса прежде всего за его доброту и снисходительность к людям. Даже после того, как коллеги Жореса изменили ему ради наслаждения властью, вспоминает Матъез, Жорес не питал к ним зла. Эту «снисходительность он перенес в прошлое. Он нашел оправдание для низости Мирабо, для отступничества Барнава или Адриана Дюпора, для подозрительных уловок Бриссо... Короче, он распространил практику парламентского товарищества на неприспособившихся и смирившихся членов революционных собраний».

Мирабо. Жорес ощущал близость к нему, он восхищался им! «Мирабо, — Матъез цитирует Жореса, — рекомендовал опубликовать со временем свою переписку с двором. Это будет моей защитой и моей славой. Как можно обвинять в измене и низости человека, который перед смертью завещал потомству подобную тайну?» И Матъез возмущается такой доброжелательностью, тем более что Олар считал именно эти строки заслугой Жореса¹⁴.

Разумеется, разногласия касаются главным образом Дантона и Робеспьера. Жорес «не хотел прислушиваться к тяжким обвинениям, выдвигаемым против Дантона. И, смягчая ошибки или злодеяния великих преступников, он бывал порой исключительно строг к защитникам

¹³ *Annales révolutionnaires*, 1923, p. 417.

¹⁴ «Хотя, казалось бы, его социализм должен был сделать его непримиримым к Мирабо, — писал Олар, — он понял Мирабо лучше, чем кто-либо до него. Он видел в нем единственного деятеля революции, обладавшего подлинным гением; уверенно возносит он эту голову выше всех остальных».

справедливости... Робеспьер, ради дружбы никогда не приписавший в жертву ни долга, ни общественных интересов, не был полностью понят Жоресом». И далее: «Если Жорес развернул перед нами впечатляющую картину эбертизма, то он проявил чрезмерную снисходительность к дантонистам, скрыв их различные пороки... Он не смог окончательно избавиться от легенды, владевшей умами. Он был справедлив к Робеспьеру во время кризиса летом 1793 г., но он не понимал его уже с момента больших процессов весны 1794 г.»¹⁵.

Представляя теперь более ясно положение дел, мы не будем вмешиваться в этот спор. Но согласимся с Матьезом, напомнив, что Жорес не сумел понять психологию людей, осуществлявших политику террора. Отметим, что разделы, посвященные «Горе» и революционному правительству, кажутся гораздо более бесцветными по сравнению с предыдущими томами. Создается впечатление, будто Жоресу, целиком погружившемуся в политическую борьбу, не хватило сил, чтобы столь же блестяще закончить свое творение¹⁶.

Помимо этого, Альбер Матьез, чьи взгляды, особенно после кратковременного увлечения коммунизмом, значительно эволюционировали, критически относится и к общему направлению творчества Жореса. Жорес изучал историю революции «по трудам Олара». Отсюда его непонимание Робеспьера. «В тот период, когда Жорес занимался в «Эколь нормаль», считалось хорошим тоном высмеивать пресловутой мистицизм Робеспьера и превозносить самодовольную и скептическую философию, украшенную узурпированным наименованием позитивизма. Это бездушное поколение... совершенно не могло понять великих людей революции, столь отличных от него». С другой стороны, «и в этом отражались вялость ума и сектантство, деятели социалистической партии под влиянием своего апостола Жюлье Гада относились ко всем деятелям революции 1789 г. с одинаковым презрением. Они видели в революции только ничтожное буржуазное движение, у которого нечему было учиться. Не зная истории, эти социалисты на практике усвоили учение господина Олара и его школы. Они разделяли все антиробеспьеристские предрассудки»¹⁷.

«Жорес,— продолжает Матьез,— несмотря на свой гений, не смог избежать рокового влияния своей среды. Марксизм привел его к социализму. Итак, он предпринял свой труд, отягченный предрассудками той школы». Но, признает Матьез, когда Жорес собрал и изучил документы, когда он соприкоснулся с исторической реальностью, «его ум понемногу просветлел»... Суждения чрезмерно пристрастные. Это не под влиянием «предрассудков школы», еще в меньшей степени под влиянием упрощенного марксизма Гада Жорес задумал и успешно написал свою «Социалистическую историю». Марксизм, безусловно, являлся для него самой надежной путеводной нитью, но не забудем, что Жорес чтит Мишле и Плутарха. Но особенно нужно помнить, что марксизм Жореса не сводился к вульгарному экономизму. Не так уж важно выяснить, насколько Жорес был близок к марксизму, гораздо существеннее подчеркнуть, как он применял его. «Сам Маркс, замечает Жорес, чересчур часто искажаемый узкими толкователями, никогда не забывал, что экономические силы воздействуют на людей».

Такова была встреча Альбера Матьеза с творением Жореса. Он испытал его влияние, несомненное, но ограниченное. Не будучи маркси-

¹⁵ ANRF, 1925, p. 75.

¹⁶ По поводу седьмого тома («La Montagne») и восьмого («Le Gouvernement révolutionnaire») Матьез писал в подготовленном им издании: «Будучи философом, Жорес интересовался прежде всего идеями (123 страницы посвящены анализу идей виднейших членов Конвента; помимо того, Жорес на протяжении всей своей книги возвращается снова и снова к идеям Кондорсе и Робеспьера). У него не было в сложившихся обстоятельствах времени основательно изучить учреждения террора и их действие... Он не говорит или почти не говорит о революционном трибунале, который он по традиции ошибочно считает просто инструментом политических репрессий. Он проходит мимо деятельности представителей в миссии...».

¹⁷ Annales révolutionnaires, 1923, p. 417.

Материал к теме

Избранные работы А.Матьеза и публикации о нем

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#amtz>

Избранные работы Ж.Жореса и публикации о нем

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jnjr>

Работы Альбера Собуля

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#asb>

Вопросы историографии

Великой французской революции

в разделе библиотеки

«Историки и историография»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#hist